КРОКОДИЛ
№ 5
ФЕВРАЛЬ 1972

СОЛДАТСКАЯ ЖИЗНЬ ИВАНА СЕМЕНОВА

в представлении его мамы

Рисунок И. СЕМЕНОВА

К. СЕЛИНЕВИЧ, специальный корреспондент Крокодила

Бешбармак по-павлодарски

Недавно на Павлодарском мясокомбинате случилась пропажа. Черный баран все время гулял в загоне, а перед самой отправкой на бойню исчез. Чабаны-сдатчики с воплем «Караул!» бросились в милицию. Там пожали плечами и дали понять, что розыском одного барана заниматься не будут.

Чабан Адил Адилов с этим не согласился. Он пришел ко мне и сказал, что черный баран исчез не в печальном одиночестве, а в большой компании. И такое случается уже не впервые. А милиция не хочет, мол, заниматься этим делом потому, что после таких пропаж на комбинате все равно никаких недостач не бывает.

Дальнейшую мою беседу с чабаном я записал на магнитофон.

Адил. Был однажды в нашем Маралдинском совхозе такой случай. Совхоз сдал мясокомбинату 77 голов упитанного крупного рогатого скота. Мы сдали, у нас приняли. Но когда сдатчики поглядели в квитанцию, собственным глазам не поверили: вес тот же, а вот количество рогов уменьшилось на четыре. Двух быков как не бывало. Растаяли, словно два кусочка сахара в стакане чая.

Я. Небось, пошли на бешбармак!

Адил. Может, на бешбармак, а может, и на шашлык. Двух быков хватит и на плов, и на чебуреки, и на самсу. Да что там два быка! С комбината мясо исчезает десятками тонн и во всех видах. В живом, разделанном, колбасами, сардельками. А по отчетам — все в порядке. Сходится до грамма. Как же это, уважаемый!

Я. Трудно сказать, дорогой Адил. Съезжу-ка я туда и погляжу. Ведь свой глаз — алмаз, чужой — стеклышко.

— Джульбарс, за мной!

Рисунок Ю. АНДРЕЕВА

— Есть разница,— заверил Куделин.— И дает она очень много. Давайте расскажу.

И я снова пустил в ход магнитофон.

— Охлажденное мясо направляют на переработку под видом замороженного. Это дает возможность списать несколько тонн на дефростацию, то есть оттаивание, как естественную убыль. Вот так. Сколько надо для ажура, столько и спишут. Это незаменимый резерв для покрытия любой недостачи. А если есть такой резерв — чего стесняться! Ведь колбасные изделия из цеха в камеры охлаждения переправляются запросто, без взвешивания и оформления передачи. Это весьма удобно для кладовщиков. Кладовщик при такой системе не несет никакой ответственности. Он отпускает колбасы экспедиторам торгов прямо из камер охлаждения и пишет в фактурах все, что его левый сапог захочет. Очень интересно и то, что выход из производства колбасных изделий и копченостей определяется не по фактическому весу, а по реализованному количеству. Понятно! Сколько продали товару — значит, столько и было изготовлено.

— А как же вывозят с комбината! Есть же контроль!

— Поди проверь, сколько чего вывозит машина, если в нее пихают все вперемешку: и мясо, и колбасы, и субпродукты.

— А что же директор комбината товарищ Павловский!

— А что Павловский! Не в его интересах было менять эту систему и наводить порядок. Иначе он что-нибудь предпринял бы... Сейчас Павловского уже нет на комбинате...

...Когда я появился на мясокомбинате, на меня никто не обратил ни малейшего внимания. По территории слонялись какие-то подозрительные типы, шушукались, обменивались таинственными знаками. Но кое-что говорилось и напрямик, без стеснения.

Один диалог я записал на магнитофон:

— Федор вчерась мешок макотн через забор фуганул.

— Ха! Мешок! Гришка вон тонну вывез да не хвалится.

— Тонну опасно. Могут и за шкирку взять. Вон Катька с Нинкой умнее. Два-три кило сарделек за пазуху — и комар носа не подточит. Каждый день. А за месяц это сколько будет!

— Ну, и засыпались твои Катька с Нинкой. Комар-то нос подточил, выходит.

— Подумаешь, страсти-мордасти. Заплатили по пятнадцать рэ штрафу — и конец. Можно начинать снова...

Уходя, уже на улице я увидел возле забора пять мешков с мясом. Лежали просто так. Видно, хозяева еще не освободились от работы. Призвав на помощь прохожих, я отволок мешки в горотдел милиции. Уж очень заманчиво было удивить начальника ОБХСС товарища Куделина.

Однако он не удивился. Он сказал:

— Знаем. И ловим воров и наказываем. А они продолжают. Причем у каждого свой метод. Вот как-то задержали двух работничков компрессорного цеха — Арнольда и Баягузова. В мешках у них было 112 килограммов первосортных деликатесов. Колбаса, мясо, шпик. Как, вы думаете, они это вынесли с комбината? — товарищ Куделин засмеялся.— По воздухоочистительной трубе! Один, значит, спускал, а другой, значит, ловил... Тащат, кто на что горазд. А на комбинате все в ажуре.

— Мне так говорил и чабан Адилов. Знаете такого?

— Это у которого приемщики двух быков умыкнули? Правильно говорил. Справедливый аксакал... А знаете что? Поедем-ка на комбинат. Я вам на месте нагляднее объясню.

Поехали. Многое там свежему человеку кажется диким. Возьмем хотя бы холодильник. Здесь вместо раздельного учета по разным звеньям — камерам термической обработки, хранения и экспедиции — ведется общий учет в целом по холодильнику. Так сказать, чохом.

— А знаете,— сказал Куделин,— ведь учет «чохом» дает возможность проделывать разные фокусы-покусы. Главный фокус заключается в том, что охлажденное мясо оформляется и учитывается как замороженное.

— А что это дает? Не все ли равно — охлажденное или замороженное? — удивился я.

Нет, нет, не то, что вы думаете. Он ушел с почетом на пенсию.

— М-да. Странно, что с его уходом ничего, по существу, не изменилось.

— Ничего странного. Порядки старые остались. Уж очень они выгодны и удобны. Дают возможность в любой момент покрыть любую недостачу. Вот потому-то на комбинате всегда все в ажуре. Чтобы не было хищений, надо всю систему менять. А это не в нашей власти... Ну, пошли.

Выйдя за ворота, мы распростились, и каждый направился в свою сторону.

Когда я проходил вдоль забора, мне на голову свалился здоровенный чувал, набитый чем-то твердым. Я потерял сознание.

Когда очнулся, чувала уже не было. Только в воздухе приятно пахло копченой колбаской.

Дж. ГЕЗАЛОВ

Я не против критики, но...

Рассказ

— Это все, что ты можешь сказать?

— Да, это все, что я могу сказать.

Возмущенный заведующий поднялся с места и заходил по кабинету.

— Мы послали тебя на завод проверить финансовые дела и выявить имеющиеся недостатки, а ты утверждаешь, что недостатков нет. Мы послали тебя, чтобы ты разоблачил тех, кто прикарманивает государственные деньги, а ты пишешь о них хвалебную оду. В нашем районе только и разговоров о безобразиях на этом заводе. А ты был там пятнадцать дней и ничего не увидел.

Инспектор невозмутимо ответил:

— Все, что говорят,— правда. На заводе разбазаривают государственные деньги.

Заведующий взорвался:

— Так почему же ты об этом не пишешь в своем акте?

— Боюсь.

— Чего?!

— Боюсь писать правду.

— То есть как это боишься писать правду? Ты что, против критики?

— Нет, я за. Но многие ее не любят. Стоит начать кого-то критиковать, как этот человек на тебя обижается и ищет случая отомстить.

— Кто бы тебе стал мстить, если бы ты написал о недостатках завода все как есть? Кого ты боишься?

Инспектор уселся поудобней напротив заведующего.

— Я обнаружил на заводе крупную недостачу. В акте об этом ни слова. Знаю: виновен кассир. Кассир, в свою очередь, знает, кто незаконно получает деньги по ведомости, но молчит об этом, потому что получает свою долю. Если я напишу о кассире, он на меня обидится. У него за спиной влиятельные люди, они обидятся тоже. У влиятельных людей есть влиятельные родственники, и эти мне не простят. Представляете, сколько сразу врагов прибавится! Написал бы, скажем, я, что к этому причастен и заместитель главного бухгалтера. Он стал бы моим кровным врагом.

— А как на это смотрит главный бухгалтер завода?

— Вы думаете, главный бухгалтер ничего не знает о махинациях? Конечно же, знает, больше того, принимает в них участие. Я не упомянул о нем совсем не потому, что не было для этого оснований, товарищ заведующий. Говорят, у горы спросили: кого ты боишься? Гора ответила: денежного человека. Вот и я боюсь, товарищ заведующий. Главный бухгалтер хозяйничает на заводе уже два года. И стал очень денежным человеком.

— Послушайте,— изумился заведующий,— неужели на заводе не было никаких проверок?

— Почему же не было? Были. Вот, например, в прошлом году в июле приехал один инспектор. Так он день и ночь пьянствовал, а под конец составил акт о том, что на заводе все в полном порядке. Если я напишу в своем акте о безответственности инспектора, на меня обидятся руководители треста. Скажут: не нашел во всей республике о ком писать, кроме как об их тресте. Скажут: опозорил. Дорогой заведующий, как говорит пословица, вслед улетевшей птице камень не бросают. Они же выпустили из рук птицу и бросили вслед камень. Давайте и мы бросим камень вслед этому делу! Не хочу я никого критиковать на этом заводе, никого не буду обижать. Чем быть плохим в глазах многих, лучше буду плохим только в ваших глазах!

Перевод с азербайджанского Эльхана ИБРАГИМОВА.

— А почему Иванов не работает?
— У нас в цехе неделя борьбы с браком.

Рисунок Г. ИОРША

Александр НИКОЛАЕВ

В Магнитогорске есть палатка —
бетонный памятник тому,
как мы вели с разрухой схватку,
как через голод шли к достатку,
к сегодняшнему своему.

О времена барачных коек,
палаток, тачек и лопат,
романтика великих строек,
где не страшились мы преград!

Но как кощунственно, зловеще
звучит в иных устах сейчас,
когда для нас святые вещи
вдруг обращают против нас.

Иной, прогресса враг заклятый,
придав словам солидный вес,
рокочет:
— Тачкой и лопатой
мы поднимали Днепрогэс!..

А дело просто: экскаватор
он на строительство не дал.
Вот так возводит консерватор
консерватизм
на пьедестал.

В одном столичном магазине,
где платья женские висят,
фасоны даже на витрине
отстали лет на пятьдесят.

Завмаг в салон не кажет носа,
сидит над грудою бумаг,
от покупательского спроса
отгородился тот завмаг.

— Ведь ваши бабки в ваши годы,—
он объяснил моей жене,—
не знали, что такое моды,
и не вздыхали на скамейке,
и не гуляли при луне,
они ходили в телогрейке,
мешки таская на спине.

А вот вопрос не об обновке
(опять я тему изменю):
заговорил в одной столовой
я о культурной сервировке,
не говоря уж о меню.

Как тут взорвался зав. столовой:
— Когда бы ел ты хлеб с половой
да грыз ржаные сухари...
А я и грыз их года три
и ел солдатский концентрат.
Тогда мне был сам черт
не страшен...
Но, демагогом ошарашен
и услыхав упреков град,
я взял свои слова назад.

И, наконец, о Рае с Васей.
Она отличница у нас.
Давно ль была в десятом классе!
Теперь уже — рабочий класс.

Девчонка намекает тонко,
что раз она уже жена,
то с милым Васей комнатенка
им обязательно нужна.

А безответственному дяде
одна острота по душе:
он говорит, с ухмылкой глядя,
что с милым рай и в шалаше.

Что было — мы не забываем,
мы это все храним в душе,
и мы прекрасно понимаем,
что с милым рай и в шалаше.

Того ж, кто так ведет хозяйство,
пустые фразы не спасут.
Он не прикроет разгильдяйство
тем, что романтикой зовут.

НЕЧИСТАЯ СИЛА И ЧИСТАЯ БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ

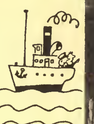
Житель поселка Бешенкович, что в Миорском районе, Витебской области, С. Тихевич решил отдохнуть от цивилизации. Он вышел из дома и зашагал по проселку к деревне Идолта.

И вдруг на живописной лесной поляние С. Тихевич увидел самый что ни на есть настоящий дом. С крышей, окнами и трубой. Но к нему почему-то не пролегала ни одна тропинка. С. Тихевич сначала подумал, что он набрел на заколдованный дом из сказки. Но, проникнув внутрь помещения, не нашел там ничего сказочного. Оно было начинено машинами, предназначенными для добывания сливочного масла из коровьего молока.

Окончательно рассеяли иллюзии С. Тихевича фабричные марки и заводские клейма на машинах, свидетельствующие о том, что они изготовлены на самых реальных заводах. Короче говоря, иалицо был оснащенный современным оборудованием, но почему-то заброшенный филиал миорского молокозавода.

С. Тихевич оказался не единственным любителем странствий, который проявления самой обыкновенной бесхозяйственности едва не принял за нечто сверхъестественное.

Гражданин П. Комаров, совершая . эсиресную прогулку по окрестностям Владивостока, в зарослях прошлогоднего бурьяна обнаружил металлические раздвижные конструкции, используемые при строительстве домов. П. Комаров долго раздумывал, какой злой волшебник мог бы забросить их сюда, пока не вспомнил, что поблизости велось сооружение нового корпуса медицинского института.

Глядя на эту груду тележек для магазинов самообслуживания, можно тоже заподозрить нечистую силу. Но прочь наваждение! Это специализированный производственный комбинат по торговой технике треста «Росторгмонтаж» г. Иванова свою продукцию сваливает во дворе под открытым небом. Ее уже скопилась целая гора, хотя каждая такая тележка стоит 65 рублей.

Рядом с тележками свалены в кучу газосветные трансформаторы и доставленные сюда для ремонта моечные машины стоимостью по одиннадцать тысяч рублей каждая. Эту картину в натуре наблюдал наш читатель А. Дорофеев.

Г. ПОДКУПНЯК

Минул

Деталь весила килограмм. Я думал, думал и сообразил, что ее вес без ущерба для качества продукции можно уменьшить вдвое.

— Ты просто гигант, Холмогоров,— сказал технолог, посмотрев эскизы.— Отличная идея! Мы делаем тысячу деталей в день. Представляешь, какая экономия?! Полтонны в сутки, пятнадцать тонн в месяц, сто восемьдесят в год. Оформляй рацпредложение.

В БРИЗе меня сфотографировали для Доски почета и вручили грамоту.

Минуло лето, но деталь продолжала идти весом в один килограмм. Я зашел в БРИЗ и поинтересовался, в чем дело.

— Вознаграждение получил?

— Получил.

— Что тебе еще надо?

— Так ничего же не изменилось!

— Какие вы все быстрые! Не изменилось — значит, изменится.

Выпал первый снег. Деталь упорно тянула на килограмм. Я снова побежал в БРИЗ и стукнул кулаком по столу.

— Твое предложение уже в конструкторском бюро, не волнуйся!

А вот железобетонные осветительные столбы, сфотографированные Б. Морозовым в г. Алмалыке, Ташкентской области. На первый взгляд столбы как столбы — с проводами, плафонами и лампочками. Но не иначе, как тоже заколдованы: стоят они вот уже два года, а не светили еще ни одной минуты.

Объясняется же загадка весьма прозаически: до сих пор не установлено, кто должен платить за эксплуатацию этой осветительной дорожной линии.

Вот как бывает: там, где пасует нечистая сила, на выручку ей приходит чистая бесхозяйственность.

А. ГОЛУБ

АВОСЬКА ИЛИ ТЕПЛОВОЗ?

Еду я как-то в электричке и слушаю. Что ни станция, то объявляют по радио: не прислоняйтесь, мол, товарищи, к дверям: они открываются автоматически; не будьте, мол, граждане, воронами: не оставляйте багаж на полках салонов. Защемило у меня благодарностью сердце. Захотел я поделиться мыслями с соседом.

— Какая забота,— говорю,— люди свое кровное на полках забывают, а железнодорожники помнят! Нет предела зоркости их глаз и силе их памяти.

— Не скажите,— говорит один из пассажиров.— Лично я не железнодорожник, работаю старшим пожарным инструктором Краснодарского отделения Северо-Кавказской железной дороги, и фамилия моя П. Карташов, но я приведу вам один примерчик из жизни железнодорожников и подожду, что вы на него скажете. На станции Староминская — Ейская Северо-Кавказской дороги стоят пятнадцать вагонов, в которых два года назад жили рабочие Главэлеваторспецстроя. Воздвигли они элеватор, и отбыли в неизвестном направлении. А вагоны легкомысленно оставили. И теперь их потихоньку растаскивать начали. Но Краснодарское отделение железной дороги никому ни гу-гу.

— Слушай, дорогой,— перебил его вдруг сосед,— понимаешь, у нас почти такая же история случилась... Я тоже не железнодорожник, я ведаю техническим снабжением экспедиции Грузгеологии. Фамилия моя Элбакидзе. Так вот у нас, на станции Джумати Закавказской железной дороги, четыре года, не сдвигаясь с места, стоит тепловоз ТУЧ-1291, год рождения 1967-й. Я думаю, он просто приржавел к рельсам... Его там развинчивают по частям кому не лень. А работники станции Джумати ничего и не замечают. Вот вам и память... Про авосечку помнят, а мощная тягловая единица вдруг выпала из поля зрения. Или, по-вашему, авоська главнее тепловоза?

О. АРТЫНСКИЙ

Позабыт, позаброшен...

Уважаемые читатели! Может, кому из вас в домашнем хозяйстве надобен дорожный каток? Если да,— можем указать, где достать такой агрегат.

Сообщаем адрес: Ангаро-Ленский тракт, 109-й километр. Это в Иркутской области, неподалеку от села Илимск. Вот он стоит, бедолага.

Приходите и берите голыми руками. Правда, юридически каток принадлежит Илимскому дорожному участку № 593, где главным инженером Криворучко Иван Фомич. Но вам не стоит обращаться за разрешением к Ивану Фомичу, потому что он об этой машине и думать забыл. Каток стоит здесь почти год, и его вполне можно считать бесхозным имуществом.

Вам еще спасибо скажут сотни водителей, едущих по этому тракту, потому что каток занял большой кусок проезжей части и уже не одна машина «чокнулась» с ним.

П. СИТЯМИН

с. Илимск,
Иркутской области

год...

Конструкторы встретили как родного.

— Как это ты додумался? Принципиально новое техническое решение! Но еще не утвердил Сергей Иваныч.

Снег растаял, стала пробиваться травка.

Деталь шла весом в один килограмм. Тридцать тонн в месяц. Триста шестьдесят тонн в год.

Сергей Иваныч свою визу поставил. Осталось утрясти вопрос с новой документацией. Тут меня, как лучшего рационализатора, премировали путевкой в Сочи.

Через месяц я вернулся бодрый и загорелый. Согласно моему рацпредложению, пришла новая документация, но деталь весом в один килограмм цех уже не выпускал. Нам дали новый заказ. Теперь цех выдавал другую деталь — весом в пять килограммов.

Я думал, думал и сообразил, что без ущерба для качества продукции...

— Ты гений, Холмогоров,— сказал технолог.— Оформляй рацпредложение.

В БРИЗе меня сфотографировали для Доски почета и вручили грамоту.

Минул год...

г. Свердловск.

— Пусть сами решают, кого нам разводить...

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Р. КИРЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

ТАЙНЫ ПРИЛАВКА

И все-таки мир загадочен. Раскололи, как чашку, ядро урана, доказали, что домашний пес ведет родословную от волка, а не от шакала, как полагал доктор К. Лоренц, но мир все равно загадочен. Человек не остается в долгу перед природой. Раскрывая ее тайны, он великодушно создает взамен новые.

Тайны прилавка... Они волнуют всех, как итальянская актриса Лорен или как прогноз погоды на воскресенье. Вы идете в магазин, неся с собой надежду и ассигнации, ваши глаза готовы разбежаться, но они грустны и неподвижны, ваши глаза. Плащи болонья, босоножки, тяжелые, как незаведенный мотоцикл «ИЖ» с коляской, сорочки дождливого цвета, снова плащи болонья, галстуки, заимствованные из реквизита гоголевских спектаклей... Скучно на этом свете, господа!

А как немного надо, чтобы глаза вспыхнули и разбежались! Та же болонья, но не в виде плащей, а в образе элегантных курточек на молнии, те же босоножки, но только легкие, как мотоцикл «ИЖ» с включенным мотором,— чтоб не вы их несли, а они вас... Так вскинь же голову, производящий человек, создай условия для разбегания глаз!

— Не могу создать,— вздыхает Б. С. Семенов, директор, и в голосе его, ясном, как астраханское небо, не поет жаворонок.

Продукция астраханского директора Б. С. Семенова ведет на торговлю страны беспощадное наступление. Ударная группировка — плащи болонья.

Было как? Подуськиваемый закордонными фильмами и соседом, который декаду ездил где-то интуристом, человек впадал в болоний экстаз. Дайте ему итальянский плащ — или жизнь утратит для него свою солнечность. Было как? Из фонтана в центре ГУМа выныривал сухой человек, дерзко реализовывал полдюжины плащей по хулиганским ценам — и опять в воду.

Легкая промышленность озадаченно чесала затылок. Потом вразвалочку принялась за дело, и к тому времени, как болоний бум пошел на убыль, в стране затарахтел, набирая скорость, болоний конвейер. Торговля задыхалась — сперва от радости, потом от некоторого ужаса. «Хватит,— стыдливо просила торговля.— Куда нам столько!»

Но плащи сыпались со все возрастающим обилием. Производитель резвился.

— Это еще что! — предупреждал он.— Вот вступит в строй астраханский гигант...

Скоро новорожденный гигант подал голос. Его младенческое «агу» равнялось семистам тысячам плащей в год.

Ура! Потребитель оболонен поголовно. Олени в тундре не косятся больше на незнакомую одежду, верблюды в песках не жуют ее: привыкли. Итальянский город на берегу реки Рено стал самым популярным городом мира. На берегу реки Волги одержана новая трудовая победа — количество выбрасываемых в жизнь плащей увеличено в полтора раза.

Мастер торговли — он ведь тоже покупатель. Ведь прежде чем продать что-либо, он должен его приобрести. И оттого он периодически выходит на ярмарку. Производитель хвастает здесь своим искусством.

— Нам курточки нужны, товарищ,— произносит мастер торговли воспитанным голосом.— Из такого же материала, знаете? Они у нас пойдут.

— Знаем. Не пойдут.

— То есть как это не пойдут! Да они нарасхват — курточки болонья, с молнией, простроченные — эх!

— Наши курточки у вас не пойдут. Мы их не выпускаем. Берите-ка лучше плащи.

Знаток прилавка выдыхает грубое слово. Но у него фонды, он обязан расходовать их, и он берет: плащи, от которых тоскливо отворачиваются верблюды, босоножки, тяжелые, как заглохший мотоцикл «ИЖ» с коляской, сорочки дождливого цвета и галстуки, позаимствованные из реквизита гоголевских спектаклей. Затем все это щедро обрушивается на покупателя, который заходит в магазин с надеждой и ассигнациями.

...Зам. директора астраханского магазина «Одежда» Нина Федоровна Рогатнина обнаружила вдруг чью-то скользящую за ней тень. «Следят»,— догадалась она, и в тот же вечер в магазине было созвано совещание при закрытых дверях.

— Преисполнимся бдительности, товарищи! — призвала она.— Операция БВК под угрозой срыва. Кто-то что-то пронюхал. Нас могут опередить другие точки.

Операция БВК имела важное стратегическое значение. В случае ее удачного исхода мощный болоньевый запас магазина лихо уменьшился бы: в северном городе Кирове объявились чудаки, которые соглашались взять партию плащей.

Операция БВК (болонью — в Киров!) прошла успешно. «Пофартило»,— завидовали соседние точки. Город Киров стал среди астраханских продавцов популярен, как тот самый, итальянский. Но повторить фокус не удалось никому.

...Итак, астраханский гигант набирал скорость, но в голосе его директора Б. С. Семенова не пел жаворонок. Полторы тысячи рабочих у Бориса Сергеевича, и еще у него — план реализации, но реализации нет — нет, стало быть, тринадцатой зарплаты для полутора тысяч рабочих. Можно заставить торговлю взять партию плащей, но нельзя заставить Ивана Александровича, гражданина, приобрести один из этих плащей хотя бы в рассрочку.

— На кой он мне? — интересуется Иван Александрович, гражданин.— У меня есть уже. Курточку бы взял, извольте.

Тогда идет Борис Сергеевич в родной обком с тем, чтобы родной обком подействовал на соседние обкомы с тем, чтобы те подействовали на свои торговые организации с тем, чтобы те перечислили астраханскому гиганту деньги за его нереализованные плащи. Потому что на швейном гиганте полторы тысячи рабочих, и они хотят работать с прибылью.

Организации деньги дают, но просят понять их тоже и впредь поставлять вместо плащей курточки. Какая вам разница?

— Все правильно, но мы не можем,— говорит Борис Сергеевич, потому что Борис Сергеевич не сам по себе, а над ним есть главк.

Затем он садится в пропахший воблой фирменный поезд «Лотос» и едет в Москву, на Солянку, в главк.

— Все правильно, но мы не можем,— говорит В. С. Зиняков, начальник главка, потому что начальник главка не сам по себе, а над ним есть министерство.

— Все правильно, но мы не можем,— говорят в министерстве, потому что министерство не само по себе, а над ним есть Госплан.

Вы заметили, что затылок не чешут кое-как, лишь бы почесать? Его чешут медленно и со смаком.

— Вы бы рекламку,— униженно просит торговлю Борис Сергеевич.— Пропагандировать надо продукцию.

Торговля вняла. Приобрела из собственного бюджета букет оранжерейных гвоздик, вручила их прекрасной продавщице, и та спряталась за сиреневой ширмой, карауля охотника на болонью. Его собирались выдать за стотысячного покупателя — с вручением сувенира и информацией в печати. В районе сиреневой ширмы толпились представители прессы и общественность. Охотник не появлялся. Гвоздики вяли.

Минуло три оранжерейных букета, покуда покупка наконец свершилась. Стотысячника празднично тискали. Отвечая на вопросы корреспондентов, он заявил, что собирается трансформировать плащ в курточку. Стотысячник оказался народным умельцем.

Массы тоскуют по элегантной курточке, гигант рад ринуться навстречу массам, но вместо того заваливает соотечественников все новыми центнерами плащей. Загадочен этот лучший из миров!

А между тем наступил год тысяча девятьсот семьдесят второй. Перед астраханским гигантом поставлена новая величественная задача: увеличить производство плащей почти в два раза. Узнав об этом, директор астраханского ЦУМа М. А. Кочур тихо сгорбился. Я выразил ему свое соболезнование.

— Ничего,— сказал товарищ Кочур и попробовал улыбнуться.— Я очень уважаю Бориса Сергеевича, но все же Борис Сергеевич не Леонардо да Винчи. Продукция его не шедевры. Попытаемся возвращать. Ростовка не та, расцветка не та, пуговицы со щербинкой...

Прием не нов: в прошлом году на фабрику вернулось плащей на полтора миллиона.

— А если они создадут шедевры? Вдруг?

— У нас есть запасники,— ответил директор ЦУМа.— Как в Третьяковской галерее, знаете.

Я вышел из кабинета и побрел по торговым залам — медленно, как чешут затылок. Босоножки марки «ИЖ» с коляской, плащи, сорочки дождливого цвета, снова плащи...

Тайны прилавка... А может, не будем столь самонадеянны и поговорим о более простой проблеме? О теории космических пульсаров, например?

г. Астрахань.

От редакции

Спасительная глубинка

В № 20 «Крокодила» за прошлый год был опубликован фельетон В. Преображенского «Спасительная глубинка» — об аналогичной продукции московского производственного объединения «Радуга».

Заместитель министра легкой промышленности РСФСР тов. Е. Мельников сообщил редакции, что выпуск плащей болонья действительно превышает спрос, спортивных же курточек из этого материала не хватает. Однако специализацию «Радуги» на плащах было решено не менять. Излишние плащи, как писал нам заместитель министра, будут вывезены из Москвы «в другие районы и области», недостающие же курточки — завезены в столицу.

Как видите, из письма явствовало, что «другие районы и области» тоскуют по плащам и задыхаются от обилия курточек. Дабы убедиться в этом, мы и направили своего корреспондента в один из «других районов».

Что теперь ответит редакции Министерство легкой промышленности? Излишние плащи будут вывезены из Астрахани, а недостающие курточки привезены в нее? Но не обидятся ли в таком случае Саратов, Новосибирск или, скажем, хороший город Бобруйск? И как быть с другими неходовыми товарами?

— Иногда и нам кое-что перепадает...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«МЕЛКИЕ ДРЕБЕЗГИ»

Строительное управление отделочных работ треста «Мособлстрой» № 23 получает стекло для окон и витрин с Саратовского завода технического стекла. При распаковке строители зачастую находили в ящиках одни осколки. Как выяснилось, всему виной были заводские упаковщики. Ящики заколачивались огромными гвоздями, которые насквозь пробивали стекло. Калечился стройматериал, летели на ветер государственные деньги (заметка «Мелкие дребезги», «Крокодил» № 31 за 1971 г.).

Как сообщил заместитель начальника Главного управления стекольной промышленности тов. В. Поляков, начальнику ОТК завода тов. Свириденко и его заместителю тов. Евтушенко объявлены строгие выговоры. Выступление Крокодила обсуждено на заседании партиома и на цеховых собраниях завода с участием упаковщиков и работников ОТК. Качество упаковки будет улучшено.

«ГРЕЕМ РУКИ»

Работники сберегательной кассы № 7436/033 города Барнаула дважды жаловались Крокодилу на то, что из-за неисправности отопительной системы в помещении такой холод, что работать невозможно («Крокодил» №№ 6 и 16, 1971 г.).

Только после вторичного выступления журнала редакция получила сообщение от начальника Управления гострудсберкасс Алтайского края тов. М. Сорокина о том, что отопительная система в сберкассе отремонтирована, дополнительно установлены радиаторы.

«КОРОВА И ДОРОГА»

В № 34 «Крокодила» за 1971 год под этим заголовком был опубликован фельетон Н. Яковлева о крупных недочетах в перевозках скота по Приволжской железной дороге. В нем говорилось, что вагоны подают с перебоями, вдобавок плохие, в пути для животных нет пунктов водопоя (в частности на станции Ершов), и приходится вместе с эшелоном скота отправлять грузовиками цистерны с водой.

Заместитель министра путей сообщения тов. П. Лемещук сообщил нам, что начальнику Приволжской дороги предложено навести порядок в отгрузке и перевозках скота, обеспечить водопой в пути, ввести в действие водопойный пункт на станции Ершов.

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ

«ПРИМЕРНЫЙ — ВО ВТОРОМ ЗНАЧЕНИИ»

Как известно, слово «примерный» может означать и «отличный» и вместе с тем «приблизительный».

Крокодил в фельетоне «Примерный — во втором значении» (№ 22, 1971 г.) рассказал, что некоторые строители в Минске и Ереване толкуют в наименовании «Примерный Устав жилищных кооперативов» понятие «примерный» лишь в одном смысле. Они сдают кооперативные дома лишь ПРИМЕРНО годными к проживанию.

В ответ на фельетон заместитель председателя Минского горисполкома тов. И. Левко сообщил, что все недоделки и дефекты, имевшиеся в кооперативном доме № 38 по Могилевскому шоссе, устранены.

Откликнулась также инспекция по контролю Ереванского горисполкома. В ответе за подписью тов. Е. Григоряна твердо говорилось: «Исполнительный комитет принял конкретные меры для ликвидации указанных недостатков».

Как написал нам спустя месяц после этого ответа читатель С. Инглизян, жильцы домов № 18 и 20 по улице Мхитара Гераци указанной «ликвидации» не заметили.

Как видно, понятие «конкретные меры» также имеет два значения. Одно — общепринятое, другое — в понимании тов. Е. Григоряна.

«ПРЕСТИЖ В ПИЖАМЕ»

Фельетон под таким заголовком («Крокодил» № 28, 1971 г.) обсуждался парткомом Северо-Осетинского госуниверситета и Ленинским райкомом КПСС г. Орджоникидзе.

В решении райкома отмечается, что «факты нарушения правил приема студентов и злоупотреблений в СОГУ имели место» и что «эта сторона вопроса в фельетоне освещена объективно».

«Наряду с этим,— говорится в решении,— бюро Ленинского РК КПСС констатирует, что эти недостатки вскрыты не по инициативе бывшего декана юридического факультета т. Кебекова М. Х. Такая интерпретация фактов искажает действительность».

Редакционная коллегия провела дополнительную проверку и установила, что фельетонист неверно осветил обстоятельства, связанные с выявлением серьезных недостатков в приеме студентов на юридическом факультете и необоснованно подверг критике некоторых его сотрудников. За допущенную ошибку на автора фельетона В. Митина наложено взыскание. Ленинский райком КПСС сообщил редакции о принимаемых мерах по оздоровлению обстановки и улучшению учебно-воспитательной работы на юридическом факультете университета.

и ПОКЛОННИКИ

РЕЖИССЕРСКИЕ ЗАБОТЫ...

— Из-за текучести кадров в «Робинзоне Крузо» семь Пятниц на неделе.

— Отелло побежал сниматься в фильме, вот Дездемона и перешла на самообслуживание.

— У этого актера излишек темперамента...

— А это большой артист! Только скажет: «Кушать подано», как ползала в буфет бежит...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Он появился в моей комнате неведомо откуда — маленький, взъерошенный и очень решительный.

— Дяденька, а дяденька! — позвал он таинственным шепотом.— У вас из окна можно по пожарной лестнице спуститься?

— А зачем?

— Это долгая история — нужно все сначала рассказывать. А у меня времени нет. В общем, сейчас мне нужно спуститься по пожарной лестнице, прыгнуть прямо на плечи Женьки Крякина, когда он упадет, закричать «ура», ворваться в его логово...

— Чье логово?

— Женьки же Крякина!

— А кто он такой?

— Крякин? Отрицательный персонаж — разве не ясно? Вы не перебивайте... У него в подвале логово, там он в карты играет и хранит документы...

— Какие документы?

— Важные. Вы не перебивайте... Нужно отнести эти документы управдому...

— Зачем?

— Неважно. Не перебивайте...

— Постой, постой... Чепуха какая-то. Пожарная лестница, документы, управдом... Ты хоть уроки сегодня делал?

— Уроки? — Он выпятил нижнюю губу.— Ерунда! Устарелое понятие! Уроки делают отличники и паиньки. Мы их бьем!

— А за что?

— За то, что отличники!

— А разве так плохо быть отличником?

— Хуже не бывает! Они же отрицательные персонажи...

— А Женька этот... Крякин?

— Тоже, но с другой стороны. У нас с ним такая драка была на заднем дворе... Он пытался толкнуть меня под самосвал, тогда я ему приемом карате — ррраз!

Он увлекся и смахнул с полки китайскую вазу — память о моих родителях. Ваза ухнула и рассыпалась, как маленькая бомба.

— Не стыдно? — сказал я вставая.— Подбери осколки!

— Ерунда! Мещанские финтюльки... Мы против!

— Кто это мы?

— Мы
так, есл
на куски
— И н
— Что
— Др
Какой-
его сим
— Вос
нечно,
лось...

Вик

— Что
— Да
— Это
предрас
Он ш
ли, как
— Ка
— Кто
— Дя
выглянул
внизу...
Он н
ту внизу
жуткий
убивал

Он сн
рил ко
— Дя
но и ж
меня за

Владимир МАСС

ВСЕОБЩИ

...Ни кошек, ни

Как с девками

Отплясывали
...«Глаголом же

Не обманн —

(«Ден

ЕСТЕСТВЕННОЕ ЧУ

Не сделай движения в сторону,
Как свойственно черному ворону
При взоре в летучую мышь,—
Не выдай притворство жеманное

За т
При

Когда мы страницы листаем,
Находим стихи и читаем,
А в них — пустота, пустота,—
Должны ли стоять мы в сторонке,
Как свойственно сивоворонке
При взоре в морского кота!

И если нас снова и снова
Поэт угощает половой

— понятно? У меня друг был, хотнте знать, он всю мебель порубил, и все аплодировалн! стыдио?

ься. Мебель на кускн рубнть? о проблеск мысли мелькнул в тичных голубеньких глазах.

ще-то... Если подумать,— ко-ыдно. Немножко. Еще оста-

— Час от часу не легче... Кто заставляет-то?

Передо мной снова засияли испуганные незабудки.

— Оин, кто же еще! Влюбиться — понимаете? Это ж надо!

Я улыбнулся.

— Заставляют — так влюбись.

— Так я же не знаю, как это делается! — Он в отчаянии развел руками.— Вообще была б моя воля — я бы всех

при чем. Просто профессор. Я понимаю, у меня еще осталось... Хотя...— Он снова загорелся.— Я — что! А вот исторические — те знаете, что делают? Взрослых этих самых — и ногамн и из револьвера... Пачкамн!

— Батюшки-светы! За что?

— Вообще-то за дело... Белые они. Только больно крови много. Противио. У меня, наверное, еще немиожечко осталось...

Мальчик из-за стены

ор ОРЛОВ

осталось?

тнх... предрассудков, наверное. кто ж тебе сказал, что это дки?

око раскрыл глаза. Они засия-забудки.

кто? Оин, конечно...

они?

нька! — отчаянно вскричал он, в окно.— Простите, он уже злютик!

з в проеме окна. Через минураздались тяжелые удары и иповатый рев. Мой незнакомец еньку Кряквина.

* *
*

а появился неожиданно. Я ва-

енька...— Его голос звучал неж-обно, как флейта.— Дяденька, авляют в девочку влюбиться...

этих девчонок за косы да... Противны они мне. Особенно Манька Гусева. Она пискля, склочница и отличница. Представляете?

— Представляю. Букетик.

— Вот именно. А мне, понимаете, в нее, понимаете, и влюбиться!

Он стоял посреди комнаты очень маленький и очень растерянный.

— Постой, постой... Саднсь — выпьем кофе и все обдумаем.

— Коф-фе? — У моего незнакомца снова вспухла нижняя губа.— Одни мой друг знаете что сделал? Ему усатый кофе предложил, а он то кофе ему в физиономию, и в окно, н по крышам, и за документамн...

— Так. Опять за документамн. А это хорошо — взрослым кофе в физиономию? Чему вас учат?

— Так — тому и учат. Хотя...— Он застеснялся.— Я сам понимаю, что это нехорошо. Тем более тот усатый был нн

— Постой, постой...— Голова шла кругом.— Они — исторические. А ты кто?

— Как кто? Современный...

— Так кто ж тебя, современного, заставляет...— Я подыскивал слово.

— Они заставляют. Они, дяденька! Слышнте?

Внизу, во дворе, явственно раздался довольно противный тонкий голос: «Во-овик!»

— Она,—помрачнел он.— Сейчас пойду портфель за ней таскать, в подъезде вздыхать... Ужас!

Он исчез так же внезапно, как появился — наверное, просто растворился в воздухе.

* *
*

В третий раз он возннк передо мной весь зареванный.

— Ну, вот, дяденька. Прощайте. Я так и знал, что этим кончнтся.

— Что с тобой?

— Бежать заставляют.

— Куда?

— Еще неясно. То ли на Дальний Восток, то ли в африканскую республнку Чад. Смотря по сюжету...

— А тебе не хочется! — догадался я.

— Еще бы! У меня же все-таки осталось... У меня дома мама. Мамочка...— Он заревел в голос.

Я долго утешал его, гладя жесткие, ненастоящие какие-то волосы. Я шептал ему, что мама — это здорово. Что пора прекратить сходить с ума, драться н бегать. Что готовить уроки — это тоже не последнее дело на земле. В ответ он отчаянно хлюпал носом. Наверное, понимал.

Наконец, он затих.

— Послушай...— Я поставил его перед собой и строго заглянул в печальные незабудки.— Ты скажи главное. Ты откуда такой явился?

— Как откуда? Оттуда...— Он показал на стену. —Ой, дяденька... Слышнте — механик часть меняет. Мне пора! Сейчас я драться буду, потом меня утопят, а потом в эту... в африканскую республнку! Прощайте, дяденька!

Он снова растворился в воздухе, оставив после себя не то туман, не то дымок, не то просто какую-то непонятную грусть.

* *
*

Я долго смотрел на стену н наконец понял.

Там, за капитальной стеной моего дома, был кннотеатр. В кинотеатре крутили детские фильмы. Прямо к моей комнате примыкала будка кнномеханика. Мальчик был оттуда

Там, на сумрачном экране, он бегал, дрался, тонул, бил взрослых по физиономии, влюблялся в десять лет н принципиально не готовнл уроков.

Когда ему становилось совсем уж невтерпеж, он каким-то фантастическим образом проникал сквозь стену и приходил поплакаться ко мне — единственному жившему рядом нормальному взрослому человеку.

С «ними» — своими сценаристами, редакторами и режиссерами — он, разумеется, ни о чем говорить уже не мог...

... ПЛЯС

обак — одни
деревья,
матросы
в увольненье,
ветру фокстрот!
ь сердца...» —
была присяга...
годня твой черед.

Петр ВЕГИН
поэзии», 1971 г.)

Гроза сбивала с ног утесы,
Лил дождь и рвал из рук штурвал.
И лес, как с девками матросы,
Самозабвенно танцевал.

Фокстрот березы танцевали
Под ксилофоны и тромбон,
Плясали сосны хали-гали,
А клены — твист и вальс-бостон.

Дубов отчаянная банда
Играла с липами в хоккей.
Счет был 3 : 0.
И вдруг — команда:
«Глаголом жечь сердца людей!»

Но так глаголы отсырели
И так я сам насквозь продрог,
Что не достиг конечной цели —
Команды выполнить не смог!

Я, как Вийон, ругался дико,
Шагал, стирая пот с лица.
Таким сырым стихом поди-ка
Сожги читателей сердца!

Не помогли мне ни кадрили,
Ни твист, ни вальс, ни ветра гул.
«Не обмани!» — меня молили,
А я позорно обманул.

...СТВО

чудотворство желанное,
ете которого спишь.

Юнна МОРИЦ
(«День поэзии», 1971 г.)

И пресной трухой наяву —
Ужели молчать надлежит нам,
Как свойственно парнокопытным
При взоре в ночную сову!

Читатель, он нрава не строгого.
Он ждет от поэта немногого:
Хоть каплю любви и тепла
Да смысла хоть малую толику,

Которая свойственна кролику
При взоре, допустим, в щегла.

Он ждет... где уж там вдохновения!
Хотя бы к словам уважения,
А что получает он? Шиш!
«Не сделай движения в сторону,
Как свойственно черному ворону
При взоре в летучую мышь»!

Читатель теряет терпение:
Что это? Кошмар? Наваждение?
За что? За какие грехи?
Он в недоуменье, в тревоге,
Которая свойственна многим
При взоре в такие стихи.

— Ну, что же ты? Просил «Репку» — бери!

Рисунок А. ГРУНИНА

ВНИМАНИЕ: АНТИКОММУНИСТЫ!

Владимир БОЛЬШАКОВ

ЦИЦЕРОН «УЛЬТРА»

На лоб мистера Уильяма Бакли свисает челка «под Гитлера», а обе физиономии — как данная ему от природы, так и политическая — явно скошены вправо. Особенно ярко этот дефект проявляется во время сходок «ультра», на которых так любит ораторствовать Бакли. За свое мрачное витийство он и получил прозвище «Цицерона правых».

Был бы жив Цицерон, он мог бы адресовать свои знаменитые слова аудитории, перед которой выступает Бакли: «Не знаю, что за уши у них, что в них человеческого». И был бы тысячу раз прав, ибо американские «ультра» по уровню развития недалеко ушли от обитателей пещер каменного века, куда они столь страстно хотят вернуть человечество.

Уильям Бакли, несомненно, на голову выше своей низкоразвитой паствы. Хотя бы уже потому, что он хочет вернуть человечество не в каменный век, а в рабовладельческое общество, где жил и ораторствовал Цицерон.

Как истинный американский патриций—он происходит из семьи спекулянтов нефтью,— Бакли считает, что власть должна принадлежать только тем, у кого есть собственность. Мошна толще — власть больше. И наоборот. Неимущий люд Бакли в полном соответствии с канонами Римской империи относит к плебеям и рабам. Рабами же — и на этом сходятся все «ультра» — должны быть всяческие «нестопроцентные» американцы, в первую очередь негры, пуэрторниканцы и мексиканцы.

Закутавшись, как в тогу, в газетные страницы «Нэшнл ревю», главным редактором которой он состоит, Бакли мечет филиппики в адрес тех, кто осуждает войну во Вьетнаме и дискриминацию негров: «О, доколе вы, интеллектуалы, зараженные красной заразой, предатели с университетскими дипломами, будете испытывать наше терпение?»

По мысли Бакли, либералов надо подавлять как взбунтовавшихся рабов во времена древнего Рима. Но устраивать публичные побоища, как некогда в римском цирке, сегодня вроде бы не с руки. Впрочем, телевидение в наши дни прекрасно заменяет собою цирк, и Бакли нередко выступает на телеарене в роли этакого политического гладиатора. В специальной программе «Огневой рубеж» он ведет диспуты.

С достойным противником тягаться ему, конечно, не по силам. В таких случаях он без колебаний применяет запрещенные приемы. Например, во время телепоединка с писателем-либералом Гором Видалом за неимением аргументов Бакли на глазах всей честной публики обозвал своего противника «гомосексуалистом». Зато с неопытными юнцами Бакли тешится, как хочет. Он дает им высказаться. И они кидаются в бой, обвиняя американскую военщину в преступлениях во Вьетнаме, замахиваясь на капиталистическую систему, подавляющую человека, его честь и достоинство. Вот тут-то и выходит на арену Бакли в латах подлинного «патриотизма», с испытанным мечом демагогии и полным колчаном ядовитых насмешек. И пасуют необстрелянные юнцы.

Бакли уходит победителем под неистовый рев толпы восторженных поклонников, которые готовы увенчать его очередным лавровым венком. Как, скажем, его сподвижник по «Нэшнл ревю» Ноэль Парментел, который объявил во всеуслышание, что «без Бакли не было бы организованного движения правых в Америке».

Действительно, Бакли — видная фигура среди «ультра».

Он въехал в американскую журналистику на запятках черной колесницы бесноватого сенатора-антикоммуниста Джо Маккарти в начале 50-х годов, когда по всем Соединенным Штатам шла пресловутая «охота на ведьм», то бишь на инакомыслящих, «красных» и либералов.

Тоскуя по этому «золотому веку», Бакли «цицеронил» со всех возможных трибун во славу своего духовного отца и впоследствии сложил из этих панегириков целую книгу — «Маккарти и его враги».

Американской реакции нужны сегодня свои цицероны не меньше, чем римским императорам. Кому-то надо же обосновывать ее претензии на роль мирового жандарма!

Один из идеологов «американского века», Р. Фландерс, писал, что роль «мирового гегемона» предопределена США самой историей. Был период «Пакс Романа», то есть «Римской империи», рассуждает Фландерс, затем «Пакс Британика», то есть империи Британской, а теперь настало время и Соединенным Штатам возглавить мировую империю — Пакс Американа.

Идеологам «ультра» вроде Бакли не первый год снятся американские легионы, оккупировавшие весь мир. Но вопреки надеждам Бакли народы не торопятся встать на колени перед заокеанскими легионерами. Хуже того, их встречают ненавистью и свинцом. Как, например, в Индокитае.

Бакли считает такое обращение в высшей степени несправедливым. Он видит и здесь происки либералов и коммунистов, подрывающих, по его мнению, американскую внешнеполитическую пропаганду. За подобную сверхбдительность его ввели в консультативную комиссию по информации. Как член этого весьма влиятельного органа, Бакли изрыгает громокипящие рекомендации.

«До каких пор,—спрашивает он,—в зарубежных библиотеках ЮСИА (американского информационного агентства) будут стоять книги таких либералов, как Селлинджер и Фолкнер?»

Крамолу после этого выступления тут же изъяли и заменили опусами «мыслителей» вроде патологического антикоммуниста Шварца и, конечно, самого Бакли.

Подобного рода наскоки Бакли не замедлили сказаться. Как признала газета «Вашингтон пост», программы ЮСИА «сплошь и рядом отличаются сейчас непроходимой глупостью». И прежде всего потому, что «линия агентства является самой антикоммунистической со времен 50-х годов». Преуспел американский Цицерон! Хотя бы на двадцать лет, хотя бы только в пропагандистском ведомстве США, да отвел стрелку часов назад!

РУКА ПРАВОСУДИЯ

Рисунок М. СКОБЕЛЕВА

Всеобщая забастовка английских горняков показала, что трудящиеся Великобритании твердо намерены бороться за свои права.

— Угольку бы...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Ирина ПОГОДИНА

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

или о чем думает премьер Южной Родезии Ян Смит, слушая по радио свое выступление, записанное на пленку

— Африканские граждане страны!

...граждане без гражданских прав, хе-хе...

— С большим трудом нам удалось урегулировать свои отношения с Англией...

...но еще труднее было растянуть эту «семейную ссору» на шесть лет.

— Мы договорились...

...за вашей спиной, черножие.

— ...о признании Лондоном независимости Родезии...

...и вашей полной зависимости от белых.

— и отмене английских экономических санкций в отношении Родезии.

...которые и так не слишком соблюдались и не шибко нам досаждали.

— В обмен на это правительство Родезии обещало отменить конституцию 1969 года...

...которая предписывает вам вечное рабство.

— Поскольку вы в подавляющем большинстве неграмотны...

...благодаря нашим неустанным заботам...

— ...мы решили, что ваше мнение о нас лучше сформулирует и выразит присланная из Лондона комиссия. Почти все члены этой комиссии работали в свое время в колониальной администрации...

... и, следовательно, умеют с вами обращаться!

— К сожалению, несмотря на принятые полицией меры по обеспечению порядка...

...пули, слезоточивый газ, аресты...

— ...во многих местах членов комиссии встречают толпы африканцев, криками выражающие свое несогласие с договоренностью между английским и родезийским правительствами.

...что меня ничуть не удивляет.

— Вы, вероятно, не верите, что наше правительство будет честно соблюдать условия соглашения с Лондоном.

...и правильно делаете.

— Однако подумайте: ведь соглашение дает вашему пятимиллионному народу надежду! Надежду, что когда-нибудь в будущем мы допустим вас к власти, дадим вам политические и гражданские права...

...держите карман шире, черномазые!

— А если вы отвергнете соглашение, то останетесь с конституцией, которая не сулит вам даже надежд...

...что так, что этак — вы все равно полностью в нашей власти.

— Вообще говоря, вам не так уж плохо живется. Ведь земля в стране разделена по справедливости: половина — белым, половина — черным.

...правда, черных в 20 раз больше, чем белых, ну да это мелочи.

— Кончайте эти бурные демонстрации и говорите комиссии «да».

...все равно вам деваться некуда.

— С моей точки зрения...

...и с английской тоже...

— гораздо убедительнее выглядит один человек, который говорит спокойно...

...«да»...

— ...чем тысяча людей, которые возмущенно кричат...

...«нет!»

— И помните: это ваш самый последний шанс получить что-нибудь.

...пока я жив, ни черта вы не получите.

— Иначе мы так усовершенствуем конституцию,

...что даже наши друзья и единомышленники в ЮАР ахнут и посинеют от зависти.

— Благодарю вас, господа, за внимание.

ХРОНИКА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

«КАК ДЕЛИШКИ? КРИТИКУЮ...»

Своеобразное исследование о литературных критиках вышло недавно в издательстве «Советский писатель». Перелопатив уйму критических статей, автор составил обширную галерею сатирических портретов. Портреты получились яркими и характерными:

«— Здравствуй, Толстый!
— Здравствуй, Тонкий!
Что-то ты, брат, исхудал!
— Но зато как пятитонка
ты, сказать по правде, стал!
— Как делишки?
— Критикую.
И втихую и вслепую
мажу, гажу, протестую,
обхожусь без сладких слов!
— Ну, а ты как?
— Лакирую.
Услаждаю, угождаю,
ублажаю, лью елей
и поэтому не знаю
никаких невзгод, ей-ей!»

А вот фигуры несколько иного, так сказать, профиля:

«Сей дядя очень странных
правил:
пока поэт существовал,
поэта дядя всюду хаял,
теперь он хрипнет от похвал».

Или вот еще тип критика:

«Как снеговой, холодный
ветровей
сто раз на дню меняет
направленье,
так и сосед мой,
критик Тимофей,
не покраснев, меняет
точку зренья.
С трубою рядом на моем дому
поставлен флюгер,
сделанный из жести...
Зачем ему вертеться одному?
Вертелся бы с моим соседом
вместе».

В книге известного поэта-сатирика Сергея Васильева «Отбор» немало стихов и на другие темы.

КОЛЮЧИЕ СТИХИ

Издательство «Советский писатель» выпустило книжку сатирических стихов Сергея Швецова.

В посмертной книжке поэта собраны яркие, острые, колючие стихи, пародии, эпиграммы, миниатюры разных лет, которые и сейчас не утратили своей идейной направленности, боевого духа и силы разящего смеха.

Обладая зорким зрением сатирика, Сергей Швецов не щадил порока, в каком бы обличье он ни предстал перед судом читателя, но не давал спуску и тем, кто в припадке якобы обличительного негодования готов был очернить всех и вся. Вот, например, миниатюра, которая всего-навсего

СПИСОК ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ ОДНОЙ ЯКОБЫ САТИРИЧЕСКОЙ ПЬЕСЫ

(Пародия)

Отец — подлец.
Сын — кретин.
Дочь — тупица.
Мать — клеветница.
Старший брат —
злостный бюрократ.
Младший брат —
явный дегенерат.
Зять — многоженец.
Дед — перерожденец.
Бабка — скряга.
Племянник — стиляга.
Внуки и внучки — барчуки и
белоручки.
Дворник Антип — аморальный
тип.
Дарья-молочница — сплетница
и склочница.
Встречаются также по ходу пьесы дураки, оболтусы и балбесы.

Иллюстрации народного художника СССР Бориса Ефимова.

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Г. ДРОБИЗ

Рассказ

Наш серебристый лайнер благополучно перемещался во времени и пространстве, чтобы точно по расписанию прибыть в аэропорт большого города, расположенного на берегах могучей полноводной реки. Являясь командиром корабля, я уверенно держал руки на штурвале и обдумывал предстоящую посадку. Под крылом уже проносились городские окраины, как вдруг оба наши двигателя отказали, и мы начали падать. Если не принимать во внимание крики пассажиров, мы падали в полной тишине.

— Спокойно, товарищи! — сказал я пассажирам, второму пилоту, штурману, стюардессам и себе.— Будем садиться на что попало.

Я посмотрел вниз. Справа и слева от нас до горизонта простирались бесконечные кварталы большого города, а прямо под нами неторопливо несла свои воды могучая река.

— Внимание! — объявил я.— Принимаю решение садиться на реку.

Услышав мой уверенный голос, пассажиры потеряли сознание, и теперь уже в полной, без всяких оговорок, тишине наш серебристый лайнер врезался в спокойную поверхность реки. Вопреки моим опасениям он не утонул. Он нырнул до самого дна и вынырнул обратно. От удара пассажиры пришли в сознание и начали аплодировать и смеяться. Кроме того, внезапно заработали оба двигателя, и наш самолет стремительно помчался по речной глади, оставляя позади пенный след. Я быстро разобрался в новой обстановке, чисто интуитивно нащупал фарватер и повел самолет к ближайшей пристани.

Вскоре на берегу засверкали белоснежные строения речного вокзала. Я заложил глубокий вираж и четко пришвартовался к причальной стенке. При нашем появлении на пристань высыпали люди с узлами и чемоданами. Потом появился человек в кителе. По его распоряжению нам подали трап. Пассажиры тепло поблагодарили меня и всю команду за чудесное спасение и дружно покинули самолет.

Вслед за ними по трапу спустились мы. Но человек в кителе загородил нам дорогу.

— А вы куда, товарищи? — с удивлением спросил он.— У вас через десять минут рейс на Астрахань. Вот и пассажиры готовы.

— Категорически игнорирую ваше наглое требование,— решительно заявил я.— Вверенный мне лайнер принадлежит системе Аэрофлота.

— Что с возу упало, то пропало,— сурово заметил человек в кителе.— С той минуты, как ваш самолет коснулся поверхности реки, он фактически превратился в плавающее средство, именуемое судном, а юридически перешел в систему нашего пароходства. И давайте не будем задерживать пассажиров.

— Кончай волынку! — зашумела очередь.— Третий день на узлах сидим, а они, видите ли, где-то там летают.

— Граждане! — сказал я.— Этот рейс для нас полная неожиданность. Еще час назад мы летели на высоте десяти километров и ни о чем таком не думали.

— А могли и подумать,— сказал старичок, стоявший первым.— В дороге надо быть готовым ко всему.

...Из Астрахани мы вернулись бывалыми речниками. Пока грузились новые пассажиры, я поднялся в ресторан. Там ко мне подсел человек в кителе. Мы пили пиво. Под нами плескалась волна, над нами орали чайки.

— Охота в небушко-то? — приветливо спросил он.

— Охота,— сознался я.— Черт меня дернул на вашу речку садиться.

— В следующий раз осторожнее будешь.

— Знал бы, не вынырнул,— пошутил я.

— Ну и что? Ну не вынырнул бы? — Он дружески обнял меня за плечи.— Что бы изменилось? Тебя бы зачислили подводной лодкой. Эх, капитан,— задумчиво сказал он, сдувая пену с запотевшей кружки,— никто не знает своей судьбы. В прошлом году один из ваших на пшеничное поле сел. И что ты думаешь? Пятьсот гектаров убрал к осени. Теперь лучший комбайнер района, на груди — орден, на фюзеляже — звездочки. Или другой случай, сам видел. Автобус на рельсы занесло. Дождь шел, скользко было. С тех пор маневровым паровозом работает. Да что говорить. Ты меня спроси: как я в речники попал? В пятьдесят пятом году пошел в магазин «Одежда» костюм покупать. Примерил один, другой, третий. Смотрю: китель висит. Вот этот. Только я его на плечи — тут меня и зачислили. Пятнадцатый год работаю... А до этого я в горсправке служил. Как сейчас помню: иду из школы домой, а навстречу — старушка. «Молодой человек,— спрашивает,— как мне на Васильевскую улицу пройти?» Объясняю: «Квартал прямо и два направо». Только сказал — раз! Обнесли меня киоском, телефон установили, окошечко, горсправка. Вот такие дела...

— Нет,— твердо сказал я.— Мне ваше смирение перед судьбой непонятно. Я буду драться до конца. Я, пока шли в Астрахань, с каждой стоянки телеграфировал. И в Аэрофлот и в пароходство.

— Значит, ты думаешь, Иван Иванович устроит нам выгодный наряд?

— А это уж как пить дать!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Останавливаюсь у одной из клеток. Очень знакомое лицо. Да ведь это Аксинья Зыбина — известный зверовод в колхозе. За ее плечами — участие в ВДНХ, медали».

«Магаданская правда»

«Горисполком поставил задачу: к концу недели довести количество снега на улицах, на территории предприятий, во дворах до существующей нормы».

«Полярная правда», г. Мурманск

«Котлета с мясом
1 шт.—07 коп.»

(Ценник ГПТУ-12)

Прислала О. Березина, г. Бугульма

«В оставшийся месяц 1971 года коллектив Ижевских электрических сетей обязался работать с еще большим напряжением».

«Удмуртская правда»

«На берегу реки снова стояла «Волга» и продолжала ловить рыбу».

(Из жалобы в суд)

«Слушали дело о нарушении общественного порядка Николаевым М. И., который напивался до такой степени, что мог увезти поезд совсем в другую сторону».

(Из решения товарищеского суда депо)

Выписала Г. Котлярова, Курская область

«Просим исполнить шуточную песню «Как хорошо быть генералом» для нашего любимого подполковника».

«Я долго думала, кем мне стать, и твердо решила — кинематографом».

«Извините за почерк, по русскому я вообще хромаю».

(Из писем в редакцию радио)

Выписала Н. Журба

— Ну, и какой результат?

— Пока никакого,— признался я.— И пароходство не отвечает. И, самое непоиятное, родной Аэрофлот молчит.

— Что же тут непонятного? — усмехнулся человек в кителе.— Все понятно. Не до тебя им теперь. Ни вашим, ни нашим.

— Почему?

— А ты что, не слыхал? Тут у нас катерок на подводных крыльях развил недозволенную скорость и оторвался от поверхности.

— И что?

— Как что? Твой Аэрофлот его вмиг зацапал и поставил на линию. Кажется, Свердловск — Воронеж.

— Послушайте,— обрадовался я.— Это как раз моя бывшая линия. Теперь самое простое — обменяться. Мы — туда, катер — сюда.

— И не мечтай, капитан,— сказал человек в кителе.— Этому не бывать. Суди сам: сегодня тебя отпустят, завтра буксир попросится, послезавтра — баржа. А кто здесь будет плавать? Нет, капитан, ты теперь до гробовой доски речник. Сиди и не рыпайся.

Я уткнулся в кружку и заплакал.

— Ну, брось, брось,— ласково сказал он и подлил мне свежего пива.— Давай-ка споем лучше, что ли. Нашу речную.

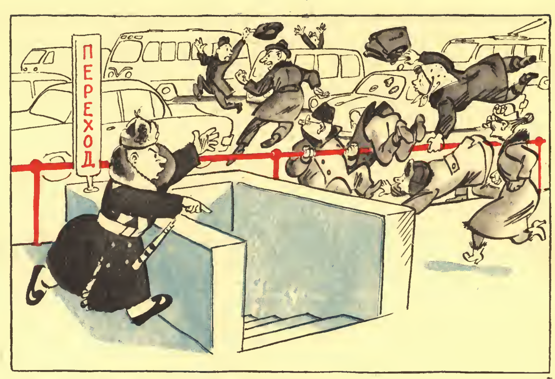
— Давай споем,— сказал я сквозь слезы.— Речную так речную.

Мы обнялись и затянули: «Из-за острова на стрежень...»

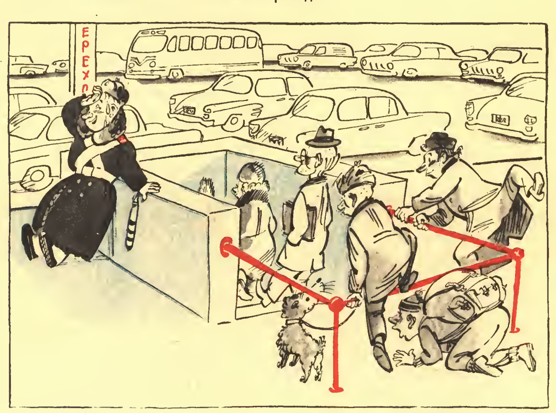
После второго куплета нам дали категорию, после третьего — поставили в график филармонии, а четвертый мы пели уже на гастролях в Кисловодске — три концерта в день, из них один шефский.

— А ты говоришь, не вынырнул бы,— сказал человек в кителе.— Идем, вызывают на бис...

г. Свердловск.

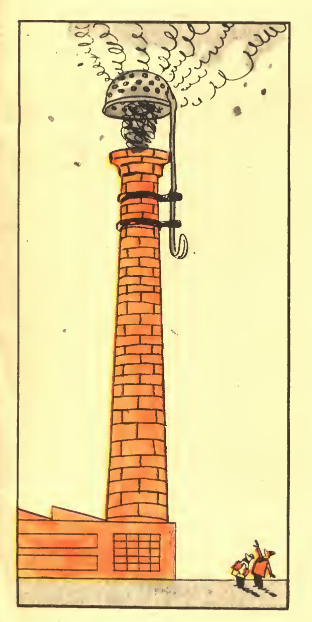

— Как же заставить их пользоваться переходом?

— Придумал!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА

— А этот фильтр у нас для очистки совести.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

«ЗАРЕ» НАВСТРЕЧУ

...Оторвись, дорогой читатель, от прекрасной и стремительной игры хоккей. Забудь, что на дворе зима со всем ее лыжно-коньковым реквизитом.

Давай воротимся в минувшее лето — теплое, как прощальное слово, и ласковое, как картинка снизу. Итак, футбол!

В сезоне 1971 года ворошиловградская «Заря» завоевала 4-е место. Не будем умалять успех команды: место это действительно почетное. Однако не этот факт спортивной биографии «Зари» стал причиной шумного праздника. Не о нем слагают былины болельщики.

Хочешь знать причину радости — вглядись в этот значок. Даже не обладая зрением высокогорной птицы, можно прочесть высеченные на значке слова: «Команда «Заря» — лидер первенства СССР по футболу. Апрель 1971 г.»

«Заря» и на самом деле была лидером. Правда, всего шесть туров. Правда, за 24 игры до окончания первенства.

Трудно сказать, чем руководствовались шустрые деятели значкового ваяния в тот памятный апрельский день, когда у них возникла мысль воплотить великое событие в металл и стекло. Скорее всего похвальным намерением вдохновить родимую команду.

Но в таком случае почему бы не отчеканить сотню — другую тысяч памятных жетонов с такой, например, злободневной надписью: «Пахтакор» — в первой лиге!»? А почему должны страдать болельщики и коллекционеры других городов? Одержали ростовчане первую победу (в седьмом туре) — жетон! Не проиграла «Молдова» на своем поле — памятную бронзовую медаль! И почему, собственно, замыкаться футболом? Шахматный чемпионат: что ни тур — новый лидер. Только успевай гравировать! А в гонках за лидером?! Страшно подумать...

В. МАЙ,
И. ШАЛОБАСОВ,
судья республиканской категории по футболу

Я. КОСТЮКОВСКИЙ, М. СЛОБОДСКОЙ,
специальные корреспонденты «Крокодила»

Мы видели в Саппоро...

Начнем с цитаты из сочинения одного московского школьника:

«Максим Горький ходил по России и писал, что видел. А что не видел, про то не писал».

Эта несколько наивная по форме, но глубоко верная по сути трактовка задачи писателя-реалиста стала нашим основным девизом в Саппоро. Мы тоже решили писать только о том, что сами видели, а если чего не видели, то честно в этом признаваться.

Вот наши первые беглые заметки.

* * *

Мы не видели Вячеслава Веденина на дистанции 30-километровой лыжной гонки. Мы его ждали на финише. На наших глазах, чуть ли не обгоняя собственные лыжи, он бурно финишировал и завоевал самую первую на этих играх золотую медаль.

И мы видели, как император Японии поздравлял короля лыжни. Когда мы были в Гренобле, мы такого не видели. Во-первых, потому, что во Франции нет императора, а во-вторых, потому, что Вячеслав Веденин там был еще только вице-королем (серебряная медаль).

Кстати, и потом мы неоднократно видели императора — большого любителя спорта — на различных соревнованиях. Однажды мы встречались с ним на весьма высоком уровне (высоко над уровнем моря, в горах, на прыжках с 70-метрового трамплина).

Но вернемся к нашему советскому королю лыжни. Вдоволь накричавшись «Слава Славе!», счастливые и возбужденные, мы возвращались домой. Опять повалил снег, и мы напевали охрипшими голосами только что сочиненную песенку:

Снегом покрылись
Трассы-дорожки,
Где пробегали
Милого ножки.
Мы так болели,
Мы так страдали,
Что заслужили
Ломтик медали.

* * *

Мы видели в этот же день великолепного конькобежца Арда Схенка на дистанции 5 тысяч метров. Валил вышеупомянутый снег. Могучий голландец при каждом вдохе втягивал в себя крупные хлопья, словно пылесос. Но даже снегопад не помешал ему стать олимпийским чемпионом.

На следующий день мы видели, как на старте пятисотки он упал. Но мы не заметили, чтобы он пал духом. Он это и доказал на последующих дистанциях, выиграв обе из двух.

Итак, у него три золотые медали из четырех. Если бы он выиграл все четыре, то повторил бы феноменальный рекорд Лидии Скобликовой, и мы могли бы сказать, что Схенк — это Скобликова в брюках.

Кстати, мы видели, как настоящая Скобликова (и именно в брюках) аплодировала Схенку с трибуны.

* * *

Мы видели во время хоккейного матча СССР — Швеция три шайбы в наших воротах.

Но лучше бы мы их не видели.

* * *

Мы видели Гария Напалкова на эстраде «Йокосо фестиваля». Переведем: «йокосо» — это «добро пожаловать», «фестиваль» — это праздник, а Гарий Напалков — это советский летающий лыжник.

Его вместе с группой других участников игр артисты пригласили на сцену и пожелали ему успехов. Напалков вежливо, но тихо поблагодарил по-японски: «Аригото!» Никто не понял, что он сказал. Тогда Напалков громко перевел: «Большое спасибо!». Это поняли все, и зал грохнул аплодисментами.

В Саппоро очень популярны русские спортсмены и популярные русские слова.

* * *

Мы видели, как популярна в Саппоро наша очаровательная Людмила Титова, и решили обязательно посвятить ей стихи. Но возникли неожиданные трудности. Из-за сложности японского произношения мы никак не могли установить, где надо ставить ударение в слове «Саппоро».

Начали мы так:

Всем — от коньков до капора —
Она пленила Саппоро.

Нам сказали, что надо говорить не «Са́ппоро», а «Сáппо́ро». Тогда мы перестроились:

Очаровательна без спора,
Она пленила все Сáппо̀ро.

И вдруг мы усомнились: а что, если не «Са́ппоро» и не «Саппо̀ро», а вообще «Саппоро́». Ради Люды Титовой мы пошли и на это:

Не может описать перо,
Как ты пленила Саппоро́.

А для полного спокойствия у нас есть запасной вариант: рифмуем «Людмила» и «очень мило». Конечно, с точки зрения высокой поэзии это не очень мило, но зато с ударениями все в порядке.

* * *

Мы видели в Саппоро... Впрочем, если говорить честно, вы, наши читатели, видели значительно больше соревнований, чем мы. И даже более крупным планом. На экранах ваших телевизоров.

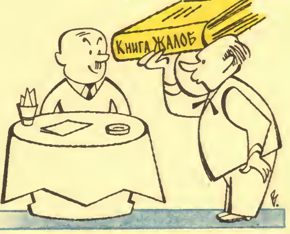
У вас есть еще одно преимущество. Сейчас, когда вы читаете эти строки, вы уже знаете все результаты Олимпиады, имена всех победителей, все секунды, метры и баллы. А мы посылаем вам эти заметки, находясь только на середине дистанции.

Но и у нас есть одно преимущество перед вами.

Основатель современных Олимпийских игр Пьер де Кубертен говорил, что на Олимпиаде главное не победить, а участвовать. Мы идем дальше Кубертена. Мы утверждаем, что на Олимпийских играх главное даже не участвовать, а присутствовать.

Видеть на месте своими глазами этот праздник дружбы, силы и красоты.

Саппоро, 8 февраля.

— Вам?
— Как всегда.

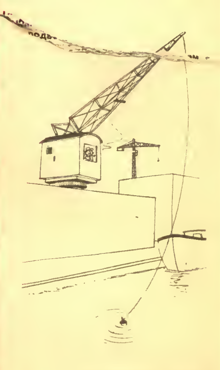
Рисунок М. ВАЙСБОРДА

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

УЛЫБКИ

Метаморфоза.

«Рогач», Чехословакия.

«Ви увриер», Франция.

— Взгляните, Жак, вон у того бегуна с красным платком на плече, по-моему, все шансы на победу...
— Может быть, но это у него не платок, а язык...

●

— Как себя чувствует теперь твой супруг? — поинтересовалась дама, пришедшая с визитом к подруге.
— Да знаешь, с ним не совсем хорошо. Он целыми днями ловит рыбу в ванне.
— Так тогда тебе следовало бы пригласить психиатра!
— Я тоже думала об этом, но мне так хочется рыбки!

●

— Больше я в школу не пойду! — твердо заявил матери малыш-первоклассник.
— Почему?
— Потому что читать я не умею, писать тоже, а учитель еще и разговаривать не разрешает. Ну, что я там буду делать?

●

Посетитель, собираясь уходить из ресторана, обратился к проходившему мимо официанту:
— Дождь все идет?
— Не знаю,— недовольно ответил тот,— ваш столик обслуживаю не я, а вон тот блондин.

●

— Я очень беспокоюсь о муже,— говорит женщина соседке.— Он пошел на реку топить кошку. Собирался забраться на самое глубокое место и там бросить кошку в воду.
— О чем же вы беспокоитесь?
— Кошка уже час назад вернулась домой.

●

РАЗНЫХ ШИРОТ

Азис НЕСИН (Турция)

А-а-а, какая встреча!

Миновала пора, когда я ежедневно получал по 30—40 читательских писем, когда не мог досмотреть газету из-за непрерывных разговоров по телефону, когда в доме не хватало стульев, чтобы усадить гостей. Такие дни, очевидно, приходят и уходят... Как только мое имя перестает появляться на страницах газет и журналов и окончательно пересыхает гонорарный ручеек, сначала отключают домашний телефон, затем — воду, газ, а потом перестают приходить гости.

Люди, недавно обращавшиеся за советом, начинают поучать вас, а те, кто бегал за вами с просьбой одолжить денег, бегают от вас, чтобы вы, не дай бог, чего-нибудь у них не попросили.

Все это произошло со мной после того, как я вышел из тюрьмы.

Вот что приключилось несколько дней назад. Взбирался я потихоньку по круто поднимающейся вверх улице Бабоали, где расположены издательства. Когда-то я взлетал по ней единым духом. Прежде она не казалась мне такой крутой, но, видимо, год от года она становится все круче. Не исключено, что, если так пойдет и дальше, она превратится для меня в непреодолимую стену...

Так вот, взбираясь наверх, я заметил в толпе приятеля. Приятель этот очень любил меня и всегда особенно демонстративно выражал эту любовь. Когда бы и где бы он меня ни встретил, он растопыривал руки, издали кричал «А-а-а!», потом обнимал меня и целовал. Должен признаться, не очень мне нравились его слюнявые нежности, но я верил в его искренность и волей-неволей терпел. Мне тоже приходилось простирать руки, кричать: «А-а-а, какая встреча!»,— обнимать его и целовать в щеки.

Регулировщик, стоявший напротив кафе «Месерет», остановил транспорт и открыл путь пешеходам. Люди с двух сторон ринулись через перекресток. В этот-то момент я и увидел старого друга. Он шел мне навстречу. Мы не виделись несколько месяцев, и я понимал, что объятий не избежать. Поэтому я первым раскинул как можно шире руки и двинулся к нему, крича: «А-а-а!»... Но обнял я воздух — приятель взглянул на меня, отшатнулся, отскочил влево и побежал к тротуару.

Регулировщик снова открыл дорогу транспорту. Последние запоздалые пешеходы торопливо перебегали улицу. А я стоял посреди улицы, нелепо растопырив руки, и орал: «А-а-а!»

Люди на бегу удивленно оглядывались. Как выйти из положения? Могут подумать, что я спятил... Хоть бы подвернулся какой-нибудь знакомый, я бы повис у него на шее...

Машины тронулись с места. Естественно, я не спешил обнимать легковые и грузовые автомобили. Я совсем растерялся, но вдруг лицо полной женщины лет шестидесяти, последней перебегавшей дорогу, показалось мне знакомым. Я не помнил ее имени, но был уверен, что я с ней знаком. Я кинулся к ней и обхватил ее, как утопающий — спасательный круг.

Машины пролетали мимо нас справа и слева, а мы стояли в гуще автопотока, обнявшись, и я продолжал тянуть:

— А-а-а!

Шофер грузовика, высунув голову из окна кабины, подмигнул мне.

Я вдруг вспомнил, кто эта женщина: когда-то она была служанкой одного моего знакомого.

— Немедленно на тротуар! — грозно крикнул нам регулировщик.

— До свидания! Будьте здоровы! — воскликнул я, пожав руку перепуганной женщине, и проскочил между мчавшимися машинами.

Бедная женщина так и не поняла, что произошло.

А мне и до сих пор стыдно...

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Стюардесса предлагает пассажиру самолета — священнику — рюмочку коньяку.

— А на какой высоте мы летим? — спрашивает святой отец.

— Восемь тысяч метров.

— Тогда я лучше откажусь. Это слишком близко к нашему шефу...

●

«Актуэль», Норвегия.

●

На публичной лекции о наследственности один из слушателей говорит лектору:

— Я могу в одну секунду доказать, что все ваши теории ошибочны. Я вас познакомлю с моей женой — ее мать была немой!

●

Болельщик, который очень много кричал во время матча:

— Кажется, я потерял голос.

Его сосед:

— Не волнуйтесь, вы его найдете в моем левом ухе.

●

Пассажир, страдающий морской болезнью, спрашивает капитана:

— Скажите, там, впереди,— земля?

— Нет, горизонт.

— Слава богу, все-таки лучше, чем ничего!

●

Одна голливудская звезда говорит другой:

— Кажется, мы с вами знакомы. Вы супруга Рея Роджерса?

— Нет, вы ошиблись на трех моих последующих мужей.

●

Однажды за завтраком жена говорит мужу:

— Джон, ты сегодня ночью говорил во сне.

— Надеюсь, я тебя не перебил?

●

— Благодарю!

«Темпо», Италия.

— Одну минуточку, капитан!

«Урзика», Румыния.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Луис Брито ГАРСИЯ (Венесуэла)

Я НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮ В ДЕЛАХ

Однажды, когда я размышлял, как мне сделать карьеру, рядом неожиданно оказался американец мистер Годвин и предложил финансировать меня в кампании по выборам президента. Я спросил его, что мы будем делать, если я проиграю, а он ответил, что это не имеет значения. Других кандидатов финансирует тоже он, мистер Годвин.

Теперь, поднятый волей народа на этот высокий пост, я опять увидел рядом с собой мистера Годвина. Он вежливо улыбался и спрашивал, что я думаю делать с месторождениями полезных ископаемых республики. Какой внимательный человек! Что я мог ему ответить?

— Мистер Годвин, я ничего не понимаю в делах.

— О, что вы! — воскликнул он.— Не волнуйтесь, это неважно, я сам буду эксплуатировать эти месторождения. Единственное, о чем бы я вас просил,— это чтобы вы, принимая во внимание интересы развития вашей промышленности, предоставили мне необходимые кредиты.

— Но откуда я возьму деньги, чтобы предоставить вам кредиты, мистер Годвин? — спросил я.

— О, это пустяки! Я их вам одолжу.

— Согласен,— обрадовался я, но мистер Годвин вдруг нахмурился.

— Все не так просто, господин президент. Боюсь, что этого нельзя будет сделать, если не создать в стране благоприятной атмосферы для вложения капитала. Другими словами, нужны тюрьмы, нужна сильная полиция, сильная армия с кучей генералов, украшенных орденами...

— Господь с вами, мистер Годвин, мне это обойдется в копеечку, а наша государственная казна и без того...

— Представляйте счета, я оплачу! — отрубил мистер Годвин.

— Чем?

— Средствами, которые вы мне предоставите.

— Я? Позвольте...

— Да, вы. После того, как получите от нас кредиты... Все это звучит несколько сложновато, но вы уж положитесь на меня...

Бедный Годвин! Пожалуй, не стоит в конце года брать налог с его прибылей, которые он получает от своих рудников. Ведь он, бедняга, только и делает, что печется о благе нашего государства. И при этом совершеннейший бессребреник! Единственное, что нам приходится ему платить,— это проценты за полученные займы. А чтобы заплатить их, приходится увеличивать налоги в стране, продавать иностранцам землю, озера, горы, дома, мужчин, женщин, детей, рыбу, море, небо, леса, птиц... Впрочем, может быть, мне это просто кажется — я же ничего не понимаю в делах...

КРОКОДИЛ

№ 5 (2015)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: Ю. Андреев, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жарников, Н. Корягин, С. Кузьмин, Н. Лисогорский, М. Скобелев, Н. Станиловский, В. Тильман, Ю. Федоров.

НАШ АДРЕС:
101455
МОСКВА А-15 ГСП
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 1/II 1972 г. А 00625. Подписано к печати 10/II 1972 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1 завод: 1 — 3 170 000). Изд. № 451. Заказ № 2536.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской революции типографии газеты „Правда“ имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. Правды, 24.
Отпечатано в типографи...
Издательства
ЦК КП Узбекистана,
г. Ташкент,
ул. Правды Восток...
Тираж 5.000.000 (4 за...
4.263.491—4.670.570)
Заказ № 223.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70 448

— Вам?
— Как всегда.

—Я многорукий бог природы, а ты по природе двурушник.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

Мальчик из-за стены

Виктор ОРЛОВ

Он появился в моей комнате неведомо откуда — маленький, взъерошенный и очень решительный.

— Дяденька, а дяденька! — позвал он таинственным шепотом.— У вас из окна можно по пожарной лестнице спуститься?

— А зачем?

— Это долгая история — нужно все сначала рассказывать. А у меня времени нет. В общем, сейчас мне нужно спуститься по пожарной лестнице, прыгнуть прямо на плечи Женьки Кряквина, когда он упадет, закричать «ура», ворваться в его логово...

— Чье логово?

— Женьки же Кряквина!

— А кто он такой?

— Кряквин? Отрицательный персонаж — разве не ясно? Вы не перебивайте... У него в подвале логово, там он в карты играет и хранит документы...

— Какие документы?

— Важные. Вы не перебивайте... Нужно отнести эти документы управдому...

— Зачем?

— Неважно. Не перебивайте...

— Постой, постой... Чепуха какая-то. Пожарная лестница, документы, управдом... Ты хоть уроки сегодня делал?

— Уроки? — Он выпятил нижнюю губу.— Ерунда! Устарелое понятие! Уроки делают отличники и паиньки. Мы их бьем!

— А за что?

— За то, что отличники!

— А разве так плохо быть отличником?

— Хуже не бывает! Они же отрицательные персонажи...

— А Женька этот... Кряквин?

— Тоже, но с другой стороны. У нас с ним такая драка была на заднем дворе... Он пытался толкнуть меня под самосвал, тогда я ему приемом карате — ррраз!

Он увлекся и смахнул с полки китайскую вазу — память о моих родителях. Ваза ухнула и рассыпалась, как маленькая бомба.

— Не стыдно? — сказал я вставая.— Подбери осколки!

— Ерунда! Мещанские фитюльки... Мы против!

— Кто это мы?

— Мы — понятно? У меня друг был, так, если хотите знать, он всю мебель на куски порубил, и все аплодировали!

— И не стыдно?

— Что?

— Драться. Мебель на куски рубить?

Какой-то проблеск мысли мелькнул в его симпатичных голубеньких глазах.

— Вообще-то... Если подумать,— конечно, стыдно. Немножко. Еще осталось...

— Что осталось?

— Да этих... предрассудков, наверное.

— Это кто ж тебе сказал, что это предрассудки?

Он широко раскрыл глаза. Они засияли, как незабудки.

— Как кто? Они, конечно...

— Кто они?

— Дяденька! — отчаянно вскричал он, выглянув в окно.— Простите, он уже внизу... Салютик!

Он исчез в проеме окна. Через минуту внизу раздались тяжелые удары и жуткий хрипловатый рев. Мой незнакомец убивал Женьку Кряквина.

* * *

Он снова появился неожиданно. Я варил кофе.

— Дяденька...— Его голос звучал нежно и жалобно, как флейта.— Дяденька, меня заставляют в девочку влюбиться...

— Час от часу не легче... Кто заставляет-то?

Передо мной снова засияли испуганные незабудки.

— Они, кто же еще! Влюбиться — понимаете? Это ж надо!

Я улыбнулся.

— Заставляют — так влюбись.

— Так я же не знаю, как это делается! — Он в отчаянии развел руками.— Вообще была б моя воля — я бы всех этих девчонок за косы да... Противны они мне. Особенно Манька Гусева. Она пискля, склочница и отличница. Представляете?

— Представляю. Букетик.

— Вот именно. А мне, понимаете, в нее, понимаете, и влюбиться!

Он стоял посреди комнаты очень маленький и очень растерянный.

— Постой, постой... Садись — выпьем кофе и все обдумаем.

— Коф-фе? — У моего незнакомца снова вспухла нижняя губа.— Один мой друг знаете что сделал? Ему усатый кофе предложил, а он то кофе ему в физиономию, и в окно, и по крышам, и за документами...

— Так. Опять за документами. А это хорошо — взрослым кофе в физиономию? Чему вас учат?

— Так — тому и учат. Хотя...— Он застеснялся.— Я сам понимаю, что это нехорошо. Тем более тот усатый был ни при чем. Просто профессор. Я понимаю, у меня еще осталось... Хотя...— Он снова загорелся.— Я — что! А вот исторические — те знаете, что делают? Взрослых этих самых — и ногами и из револьвера... Пачками!

— Батюшки-светы! За что?

— Вообще-то за дело... Белые они. Только больно крови много. Противно. У меня, наверное, еще немножечко осталось...

— Постой, постой...— Голова шла кругом.— Они — исторические. А ты кто?

— Как кто? Современный...

— Так кто ж тебя, современного, заставляет...— Я подыскивал слово.

— Они заставляют. Они, дяденька! Слышите?

Внизу, во дворе, явственно раздался довольно противный тонкий голос: «Во-овик!»

— Она,— помрачнел он.— Сейчас пойду портфель за ней таскать, в подъезде вздыхать... Ужас!

Он исчез так же внезапно, как появился — наверное, просто растворился в воздухе.

* * *

В третий раз он возник передо мной весь зареванный.

— Ну, вот, дяденька. Прощайте. Я так и знал, что этим кончится.

— Ну,

Владимир МАСС

ВСЕОБЩИЙ ПЛЯС

...Ни кошек, ни собак — одни
деревья,
Как с девками матросы
в увольненье,
Отплясывали на ветру фокстрот!
...«Глаголом жечь сердца...» —
была присяга...
Не обмани — сегодня твой черед.

Петр ВЕГИН
(«День поэзии», 1971 г.)

Гроза сбивала с ног утесы,
Лил дождь и рвал из рук штурвал.
И лес, как с девками матросы,
Самозабвенно танцевал.

Фокстрот березы танцевали
Под ксилофоны и тромбон,
Плясали сосны хали-гали,
А клены — твист и вальс-бостон.

Дубов отчаянная банда
Играла с липами в хоккей.
Счет был 3 : 0.
И вдруг — команда:
«Глаголом жечь сердца людей!»

Но так глаголы отсырели
И так я сам насквозь продрог,
Что не достиг конечной цели —
Команды выполнить не смог!

Я, как Вийон, ругался дико,
Шагал, стирая пот с лица.
Таким сырым стихом поди-ка
Сожги читателей сердца!

Не помогли мне ни кадрили,
Ни твист, ни вальс, ни ветра гул.
«Не обмани!» — меня молили,
А я позорно обманул.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ЧУВСТВО

Не сделай движения в сторону,
Как свойственно черному ворону
При взоре в летучую мышь,—
Не выдай притворство жеманное
За то чудотворство желанное,
При свете которого спишь.

Юнна МОРИЦ
(«День поэзии», 1971 г.)

Когда мы страницы листаем,
Находим стихи и читаем,
А в них — пустота, пустота,—
Должны ли стоять мы в сторонке,
Как свойственно сивоворонке
При взоре в морского кота!

И если нас снова и снова
Поэт угощает половой
И пресной трухой наяву —
Ужели молчать надлежит нам,
Как свойственно парнокопытным
При взоре в ночную сову!

Читатель, он нрава не строгого.
Он ждет от поэта немногого:
Хоть каплю любви и тепла
Да смысла хоть малую толику,
Которая свойственна кролику
При взоре, допустим, в щегла.

Он ждет... где уж там вдохновения!
Хотя бы к словам уважения,
А что получает он! Шиш!
«Не сделай движения в сторону,
Как свойственно черному ворону
При взоре в летучую мышь»!

Читатель теряет терпение:
Что это! Кошмар! Наваждение!
За что! За какие грехи!
Он в недоуменье, в тревоге,
Которая свойственна многим
При взоре в такие стихи.